

Встреча

Весной 1942 года, в канун 1 Мая, в Институте мировой литературы, который был расположен в помещении балетной школы имени Тамары Ханум, там, где теперь находится Ташкентская консерватория, был праздничный вечер.

Академик Борис Дмитриевич Греков, автор исследований по древней истории, играл на виолончели. Это было очень странно. Никто не знал или очень немногие знали, что академик играет на виолончели.

Профессор Евгений Алексеевич Косминский, великий знаток средних веков и истории дипломатии, представил серию шаржей на своих академических коллег. И многие узнавали себя и удивлялись, что сами не знали до сих пор такого замечательного рисовальщика.

На этот вечер была приглашена и Анна Ахматова. И она читала свои новые стихи — «Мужество», только что опубликованное в газете «Правда», и «Первый дальний бойный в Ленинграде», напечатанный в «Красной нови». В издательстве «Советский писатель» готовилась книга ее избранной лирики.

Анна Ахматова жила на улице Жуковской в белом доме, неподалеку от Института мировой литературы. Тогда все жили неподалеку друг от друга... Алексей Толстой расположился на улице Первомайской. Мир Ташкента в те годы был тесен. Нелзя было не встретиться.

— Анна Андреевна! — воскликнул Алексей Николаевич, увидев издаലെка Ахматову. — Сколько лет, сколько зим...

И он снял шляпу.

Анна Ахматова опередила его и сказала ему именно то, что он хотел сказать ей:

— Вы нисколько не изменились...

Алексей Николаевич вздохнул и сказал:

— Боже, как это было все давно! «И тенор пел на сцене гимны безумным скрипкам и весне...»

Они стояли на углу улиц Жуковской и Пушкинской, как раз напротив балетной школы имени Тамары Ханум.

— Я вспоминала вас недавно, — сказала Анна Ахматова. — В академии был праздничный вечер. И я почему-то ожидала увидеть вас среди приглашенных. Ведь вы, кажется, академик? И еще мне как-то не хватало Щеголева. Меня пригласили как пушкиниста, — добавила она сдержанно.

Алексей Толстой как-то резко и отрывисто засмеялся.

— У вас удивительное чутье, — сказал он. — Мы вполне могли встретиться в академии. А знаете, и мне, — добавил он, вдруг потемнев лицом и погрустнев, — очень не хватает Павла Елисеевича. Да, Щеголев был так же суетен и недалек, как я. Но он был из тех, кто знает, что в русской тишине есть добродетель.

По улице Жуковской тянулся караван верблюдов по направлению к Райскому базару. Это был единственный надежный транспорт и в городе, и за городом. Ни есть, ни пить не просит. Бензина не надо. Верблюды перекликались, как павлины, резкими голосами.

На Анну Ахматову с ее «бурбономским профилем» и на Алексея Толстого с его обломовским обкомом никто не обращал внимания среди шума и гама большого восточного города.

Мимо них шел караван верблюдов, поднимая пыль и звеня медными колокольчиками.

— Меня пригласили на вечер как пушкиниста, — повторила

Анна Андреевна, опять возвращаясь к праздничному вечеру в академии. — Но здесь готовится к печати книга моих избранных стихотворений.

И она взглянула на Алексея Толстого. Он раскуривал свою трубку, опустив лицо и нахмурив брови.

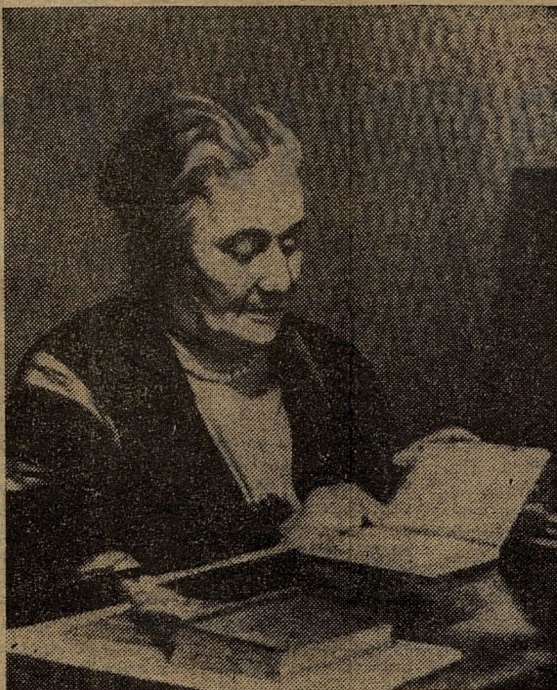
— Сборник составил Корнелий Зелинский, — коротко добавила она, глядя на собеседника.

Трубка раскуривалась хорошо. Алексей Толстой повеселел, поднял голову, брови распрямылись, и обычное выражение благодушия восстановилось на его лице.

Услышав имя Корнелия Зелинского, он опять коротко и отрывисто засмеялся.

— Ни слова больше! — воскликнул он. — Корнелий Люцианович всем нам найдет занятие, всех приставит к делу. Как это удивительно!

От прямой английской трубки Алексея Толстого тянуло запахом и дымом хорошего табака.

● Анна АХМАТОВА.
Фотография 1950-х годов.
Л. Я. ...

● А. Н. ТОЛСТОЙ.
1938 г.

ЗА СИНИМИ РЕКАМИ

Эдуард БАБАЕВ

— Зелинский считает, — тоном делового доклада продолжал Алексей Толстой, — что я должен стать директором Института мировой литературы... Как вам это понравится?

Анна Ахматова слегка кивнула и сказала:

— Вы все можете...

— Да-а, — рассеянно протянул Алексей Толстой. — Но управлять департаментом?

И он опять отрывисто засмеялся.

И вдруг совершенно переменился.

— Если бы это избавило меня от хождения по следам фашистских военных преступлений, от зрелища черных рвов и бесконечных могил, над которыми душа изнемогает от горя, — отчаянным голосом, почти плача сказал он.

В караване верблюдов образовался прорыв. Одни уже скрылись за низким зданием почтамта, другие еще не подошли.

Анна Ахматова никогда не видела его таким, как в эту минуту. Она тронула его руку, желая успокоить, но он уже справился с волнением и стал говорить прежним голосом, постепенно усиливая театральную интонацию.

— Я даже нанес визит в это академическое учреждение, — сказал он, указывая рукой на балетную школу имени Тамары Ханум. — Если не верите, можете справиться в канцелярии ученого секретаря...

— Как вас встретили? — спросила Анна Ахматова, не зная, что сказать.

— Ну, я все-таки академик, — ответил Алексей Толстой.

И надел шляпу.

Тут подошел новый легион верблюдов. Они не теснились гуртом и не желали идти друг за другом, а выстраивались в журавлиный клин так, чтобы перед каждым из них было совершенно открытое пространство.

Поэтому они занимали всю улицу. Машины жались к обочине и останавливались. Погонщик на маленьком ослике ехал впереди и заодно уже выполнял роль регулировщика. В руках у него было два красных флажка, и он показывал, где и каким машинам надо остановиться, чтобы прошли верблюды.

Алексей Николаевич смотрел рассеянно на караван верблюдов, на деревья и тучи пыли.

— На днях уезжаю в Самару, — сказал он. — Может быть, буду в Москве. Однажды я ехал по Рогачевскому шоссе на машине и вспоминал что-то давнее, чего никак не мог вспомнить...

— Блока? — спросила Анна Ахматова.

— Нет, почему Блока? — удивился Толстой. Потом сказал: — Ах, да, конечно... И его тоже. «Путь, открытый взором...»

Анна Ахматова часто просила меня быть ее провожатым в хождениях по городу, в тех вечерних прогулках, которые она очень полюбила в последние дни пребывания в Ташкенте.

Она легко угадывала его солнечные, кольцевые и прямые радиальные линии. Она всегда шла быстро, но неторопливо.

У нее были свои воспоминания, связанные с домами, переулками, улицами...

И, когда мы миновали угол Пушкинской и Жуковской, я услышал от Ахматовой рассказ о встрече с Алексеем Толстым.

Ее устные рассказы были незабываемы.

Алексей Толстой тогда уже не было в Ташкенте.

А стихотворение «Пора забить верблюжий этот гам и балый дом на улице Жуковской» еще не было написано.

Пора, пора к березам
и грибам,

К широкой осени
московской.

Там все теперь сияет,
все в росе,

И небо забирается высоко,
И полнит

Рогачевского шоссе
Разбойный посвист

молодого Блока...

Желуди

В университетском саду вскапывали грядки.

Студенты, кто постарше, кто помоложе, одетые в полувоенные или полугражданские одеж-

ды, скидывали лопатами, влажную, перележавшую зиму, с почерневшими листьями, мягкую землю.

Солнце еще было нежарким. В литературном кабинете филологического факультета окна были раскрыты настежь.

Я пришел сюда, как обычно, за книгами.

Но оказалось, что попасть в кабинет невозможно.

В дверях, в коридоре, в самом кабинете толпились студенты и преподаватели.

Такого здесь я еще ни разу не видел.

Вахтер при входе на факультет сказал мне:

— Там граф Толстой пришел...

И в самом деле, Алексей Николаевич Толстой беседовал с тихой маленькой библиотекаршей, которую все звали за глаза просто Алисой.

Она никогда не вставала со своего места за столом у окна. Только указывала полку, и надо было самому найти нужную книгу.

Когда Алексей Николаевич сказал, что ему нужен учебник узбекского языка, мгновенно книга оказалась перед ним.

Даже трудно было сказать, кто из студентов первым снял эту книгу с полки: ее передавали из рук в руки.

Алексей Толстой только что вернулся из поездки в Куйбышев.

Он не знал, сколь еще продлится его пребывание в Ташкенте.

И хотел сохранить воспоминание о языке этого прекрасного города, где столь многие в годы войны нашли «пристанище»...

— Профессор Жирмунский уже разговаривает по-узбекски, — сказал Толстой с удивлением и ревностью.

Перед ним лежал знаменитый учебник Киссена и Коблова, по которому учились все, от академика Толстого до обыкновенного школяра...

— Может быть, вы хотите оставить что-нибудь здесь, в университете, на память о вашем посещении? — сказала Алиса.

Она встала из-за стола, и сразу стала заметна ее резкая

хромота. Она встала и выпрямилась и застыла неподвижно. Алексей Николаевич знал ее покойного мужа — известного ученого и переводчика.

Он тоже встал и поцеловал ее руку.

— Что я могу? — сказал он.

— У меня ничего такого нет...

Но, взглянув на разочарованные лица Алисы и студентов, он вдруг опустил руку в карман. Жест у него был такой охотный, щедрый и вольный, что можно было ожидать чуда.

Из широченного кармана своего пиджака он мог достать целый кукольный театр с Карабасом Барабасом, Буратино и золотым ключиком.

— Это от дубрав, — сказал Алексей Николаевич, — которые цветут за синими реками...

На ладони Алексея Толстого лежали желуди.

Горсть прекрасных желудей, которые можно было бросить в ташкентскую землю.

Чтобы проросло праведное дерево, пустившее крепкие корни в дни Великой Отечественной войны.

Когда Алексей Толстой ушел, Алиса сказала:

— Если бы не эти желуди, я не была бы уверена, что он был сейчас здесь...

Студенты и преподаватели давно разошлись. Кабинет литературы опустел.

Алиса сидела на своем месте за столом у открытого окна. Она любила поговорить к вечеру о том, что было днем.

— И так всегда, — продолжала она. — Замечательные люди как будто все свое уносят с собой. Оттого они и сами становятся загадочными. И мы стараемся восстановить их облик, их речи, как из обрывков сна.

Но там, где они прошли, вдруг вырастают деревья, пробиваются тропы, одним добрым воспоминанием становится больше. Когда-то я дружила с поэтессой Натальей Крандиевской. У нее были стихи: «Не могу я вспомнить, что мне снилось, не могу ни вспомнить, ни забыть»... Если бы я писала воспоминания, я взяла бы эти слова эпиграфом.

Луч солнца коснулся горсти желудей на письменном столе в университетской библиотеке.